

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Максим МАКАРЕНКОВ
Кора КЛЕМЕНС

ДНИ СТУЖИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М15

Разработка серийного оформления — *Владислава Матвеева*

Иллюстрация на переплете — *Владимир Манюхин*

Макаренков, Максим Анатольевич.
М15 Дни стужи / Максим Макаренков, Кора Кле-
менс. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-158358-3

Событие, навсегда изменившее мир.

Он стал иным — очень странным, местами опасным и, вновь, неисследованным.

Москва осталась столицей, но уже Республику Московия, торговый центр «Охотный ряд» пришлось залить бетоном и запечатать магическими печатями, а в ярославских лесах порубежники выкуривают гнёзда чёрных вдов.

Отставной порубежник Стас Григорьевич, особо не помнит свою фамилию, её давно заменило прозвище — Хромой. Вместе со своим другом Иваном он выполняет заказы обеспеченных людей. Ведуны добывают полезные и опасные артефакты, а иногда внешне самые обычные вещи. Например, подарок для дочки богатого купца.

Безобидный новогодний подарок, с которого всё и началось...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макаренков М., Клеменс К., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-158358-3

Глава 1

Каблучки

— Вот эту возьмете и уйдете, — крепкий желтоватый ноготь отчеркнул расплывчатое изображение стола, на котором стояли три полуразвалившиеся картонные коробки. Что в них лежало, разобрать на снимке было невозможно, какие-то серые прямоугольники. Тем не менее качество фотографий впечатляло. С такими карточками никаких карт и набросков местности не нужно, вся зона операции как на ладони. Вон и железнодорожная платформа видна отлично, а вот тропка до самого развала, так и не заросла она, ничего там не приживается, даже новая сорная трава — синеватая с узкими листьями, острыми, как хорошо наточенный нож.

«Где только купец такие картинки добыл? — размышлял Стас, глядя на чуть выцветшие, но довольно хорошо сохранившиеся снимки, разложенные приказчиком на верстаке. — Последние спутники лет сорок назад упали, мир снова сделался безграничным, опасным и таинственным. Пропади они, конечно, пропадом, эти тайны, но тут уж ничего не поделаешь».

А приказчик-то, гляди, как четко излагает. Видать, не раз репетировал.

Вздыхнув, Стас шагнул к верстаку, ткнул в снимок тростью.

— В коробках что?

— Сам не знаю, — приказчик покачал головой, всем своим видом показывая, что рад бы помочь, но не может.

— Значит, мы должны пройти по этой тропке, пересечь площадку длиной около двадцати метров, подойти к этому столу, забрать крайнюю справа коробку и уйти. Так? — вкрадчиво спросил Стас, поигрывая тростью.

— Ага, все правильно, — спокойно ответил приказчик, но на увесистый набалдашник трости, которым Стас похлопывал по раскрытой ладони, посмотрел немного нервно.

О трости этой ходило немало слухов: одни говорили, что внутри спрятан клинок из заговоренной стали еще того, старого, мира, другие шепотом рассказывали, что на ней заклятье, дающее Стасу власть над сумеречниками, третьи — что в ней сгусток жидкого огня. Точно же не знал никто. Зато хорошо известно было, что трость эту Хромому Стасу подарил сам Старшой — легендарный командир порубежников, отправляя своего лучшего взводного в отставку.

Пятнадцать лет Стас со своей командой носился по жутковатым чащам Лосинового острова, выжигал гнезда «черных вдов» в глуши Ярославских лесов, уцелел в трех самоубийственных рейдах на схроны некромантов. Отбивался от самой разной нечисти, давая время волхвам-вязальщикам разобраться в хитросплетении нитей, скрепляющих нечисть с сутью нашего мира, и нанести решающий удар. Рубился с людьми и нелюдью, усмирять бунт чернобождцев

и просто гонял лиходеев, сидевших вдоль московского тракта в ожидании торговцев, отбившихся от каравана или рискнувших продвигаться небольшой компанией.

Заслужил он славу жестокого бойца и хладнокровного командира, берегущего своих, а потому, когда когтистая лапа непонятно откуда взявшегося овражника располосовала взводному голень, то тащили его до базы бегом, молясь всем богам, чтобы не пришлось ногу отрезать. Обошлось — яд и грязь волхам и травникам вытянуть удалось, но охромел он навсегда. Его звали в штаб, но Стас отказался, и тогда Старшой тяжело вздохнул, выматерился и положил на стол тяжелую черную трость — прощальный подарок отставнику.

Отставник дар принял с благодарностью и ушел на вольные хлеба, благо такого знатока сразу стали зазывать к себе в охрану и купцы, и банкиры. Даже два политика, говорят, помощников с приглашениями присылали. Вышло, правда, все иначе.

Была в жизни Хромого и парочка темных пятен, но что там к чему — точно никто не знал. Раз по большой пьянке попробовал что-то вякнуть Федюня Бронницкий, пузырил губки, вещая о хорош-шем знакомце в штабе, многозначительно водил толстым пальчиком, глядя в сторону тихо сидевшего в глубине трактира Стаса, да ничего толком сказать не успел, развезло. А наутро нашли Федюню в сугробе, синего и твердого, что твое полено.

Поскольку сам Стас Григорьевич к делам Верхнего и других миров отношения не имел, сиречь ведуном не был, то народ пару раз посмотрел в сторону его верного напарника, известного как Иван Николаевич.

Откуда тот взялся да как они познакомились, никому вроде бы не было известно, но после отставки Стаса все дела они ворочали вместе. Иван Николаевич подозрительные взгляды встречал с невинностью престарелой монахини и лишь по-девичьи моргал густыми ресницами.

Видение синего негнущегося Федюни некстати мелькнуло перед глазами приказчика, когда он смотрел на серебристую каплю наверхия трости, методично опускающуюся на широкую смуглую ладонь, пересеченную старым шрамом. Но приказчик продолжал стоять на своем:

— Берете и уходите. А что в коробках — не знаю. Мое дело передать, сами понимаете, Стас Григорьич. Обязательное условие — уложиться до новогоднего вечера. То есть самое большее за три дня.

Сказал — и покосился на окно, за которым серые зимние сумерки стремительно превращались в глухую ночь. Поежился. Стас заметил, молвил ободряюще:

— Да не бойся, Акимыч, сейчас тебе Иван Николаич провожатого подвесит, дойдешь, как по Тверской.

Приказчик явно приободрился:

— Ну спасибо тебе, друг любезный! Место у вас, сам знаешь, глухое, как только тут живете.

— Хорошо живем, хорошо. Ты мне зубы-то не заговаривай. Купец твой сам понимает, чего от нас хочет? Это ж не просто дровишек из лесу притащить. Это же Старый Базар! Ты знаешь, сколько там народу легло? Который вот так вот сходить за барахлишком хотел? Да еще и срок ты нам ставишь — три дня! Да еще и под Новый год!

Приказчик тяжело вздохнул:

— Семьдесят монет.

— Что-о?! — раздалось из дальнего угла комнаты. Заскрежетал отодвигаемый стул, и Акимыч, выставив перед собой в успокаивающем жесте раскрытые ладони, испуганно попятился:

— Не шуми, не шуми, Иван Николаич, не заводись! Мое дело вам цену назвать, сами знаете. Я человек подневольный!

— Поднево-ольный... — со значением протянул появившийся из скрытого тенями угла комнаты тот, кого назвали Иваном Николаевичем. Был он на полголовы ниже рослого Стаса, но впечатление производил внушительное. Массивный, широкоплечий, с короткими, чуть кривоватыми ногами степного наездника, он двигался с обманчиво неторопливой ленивой грацией сытого хищника, да и в лице его было нечто, вызывающее в глубинной родовой памяти видения степных божков, о которых рассказывали испуганные караванщики, пересекавшие безлюдные пустоши казахских степей.

При этом Иван был светловолос, сероглаз, одет в самый что ни на есть европейский костюм хорошего кроя и походил скорее на представителя крупного торгового дома, чем на того, кем был на самом деле. А был он одним из лучших во всей Республике Московия волхвов-вязальщиков.

— Хорошо ли вы себе представляете, что такое местность с особыми физическими условиями, в просторечии именуемая нехорошим местом? — спросил он тоном лектора, пытающегося добиться ответа от нерадивого студента.

Приказчик кивнул и произвел пальцами в воздухе некое движение.

— Значит, не представляете, — со злорадным удовлетворением констатировал Иван. — Действительно,

зачем нам?! Живем-поживаем, беды не знаем. А что на развалинах строимся, мы же не любопытные, так? Привыкшие мы? — спрашивал он, приближаясь к приказчику.

Акимыч почувствовал себя неуютно и поежился.

— Ну хоть что такое Событие, вы знаете? — спросил ведун участливо, и Акимыч часто закивал. — Уже хорошо, — похлопал его по плечу Иван.

О Событии знали все. Около сотни лет назад то ли предки намудрили, то ли звезды так неудачно встали, но на Земле открылись проходы в другие пространства и оттуда полезла всякая живность. К тому же в некоторых из этих пространств существовало то, что люди называли магией, волшебством, волшеббой, вуду — слов, именующих данное явление, много. Часть планеты смогла приспособиться к этой новой жизни, а часть словно повисла между двумя мирами, старым и новым. Вот такие места теперь и называли нехорошими, или особыми, и Акимыч это знал не хуже ведуна.

— Так что такое «нехорошее место»? — все тем же лекторским тоном осведомился Иван и уставился на оробевшего приказчика с ласковым поощрением: мол, не стесняйся, школяр, излагай.

— Чудища там... или призраки... нечисть, в общем, — и Акимыч сделал знак, оберегающий от той самой нечисти.

— Грубо, но верно. Например, там обитают психофизические субстанции, содержащие фрагменты информационно-эмоциональных характеристик людей, попавших под влияние псевдоразумных, предположительно волновых, пакетов во время События. Образовавшиеся новые устойчивые объекты облада-

ют возможностью взрывной активности на территории особых зон.

— Иван Николаевич, а по-простому бы?

— Да не знает никто толком, Акимыч, что там произошло, — развел руками Иван. — Но в результате получили мы злых неприкаянных тварей. Например, пассажиров Потерянного Поезда. И купец твой хочет, чтобы мы пошли аккурат туда, где на этих самых тварей есть все шансы напороться. Вот ты сейчас знак сделал. Обереги при себе держишь. Велесу требы приносишь. И Казанскую Божью Матерь не забываешь, так?

Приказчик кивнул.

— Лет двести назад тебя бы засмеяли, посчитали бы суеверным неучем. А сегодня мы с тобой точно знаем: не оборонись ты знаком, по дороге к тебе вполне мог плакунец присосаться. А то и снежный двойник в сани уселся бы. И я вот тоже именно Велесу требы приношу и к нему обращаюсь. А Стас он воин, он Перунов человек. — Надо сказать, что на этих словах Иван весело посмотрел на друга... — Другие к Христу обращаются, тот их хранит. Уяснил?

Акимыч кивнул.

— Так сколько монет тебе купец выделил? — совершенно буднично спросил Иван.

— Сто двадцать, — честно глядя ему в глаза, ответил Акимыч.

— Значит, сто пятьдесят, — задумчиво произнес в пространство Станислав.

— Давай сто сорок, червонец твой, так и быть, — протянул руку Иван.

Приказчик со вздохом полез за пазуху и добыл оттуда тяжелый кошель. Достал из него десять увеси-

стых красноватых кружков с отчеканенным святым Георгием, сунул их в карман и, снова душераздирающе вздохнув, затянул шнур на кошеле и вложил его в руку волхва.

— И еще ящик табака и мешок кофе. Только настоящего, а не цикория, который ты в лавке под видом заморской «арабики» толкаешь. Это уже после дела, под расчет, — отведя за спину руку с кошельем, добавил Иван.

— Грабите, да? — с тоской глядя на напарников, протянул Акимыч. Впрочем, настоящей слезы в голове не было.

— Грабим, Акимыч, грабим, — подтвердил Стас и тут же утешил: — Так не тебя ведь, а хозяина твоего, купца первой гильдии Столярова Петра Фаддеевича, так что ты особо не убивайся. Да и ты свои десять монет с дела имеешь. Так что лети к купцу, голубь ты наш, и скажи, что бился до последнего, но супостаты тебя одолели и меньше чем за сто пятьдесят монет лезть туда, где Потерянный Поезд ходит, не согласились.

— А если Столяров меня к этому.. Могамбе пошлет? Стас только пожал плечами:

— Да ты уж ходил к нему. Нет, нубиец, конечно, человек серьезный, но цену он тебе заломил такую, что ты сглотнул и откланялся. А еще ты у Володи Сибиряка и Хасана Песчаника был, но они отказались. Так что не крути, Акимыч, да и деньги ты уже отдал.

— А-а! — махнул рукой приказчик. — Давай своего провожатого, ирод, да пойду я, пока совсем не запуржило.

— Не запуржит, не бойся, — уверил его Стас, глядя в окно, — луна светит что праздничный фонарь.

Акимыч зябко передернул плечами:

— Толку с того фонаря. Только тени чернее. А что там, в этих тенях, сам знаешь! И как вы тут только живете? — снова спросил он.

— Хорошо живем, Акимыч, ты не переживай — и воздух чистый, и соседи тихие да дружелюбные, — посмеиваясь, закружил вокруг приказчика Иван, вода вокруг его плеч и головы расслабленными пальцами, словно плел невидимую сеть. Отойдя на пару шагов, присмотрелся, удовлетворенно кивнул и принялся лепить невидимый снежок.

Акимыч заворуженно смотрел, как между пальцами ведуна пробились голубоватые лучики, как тот разжал ладони, выпуская в воздух текучую, переливающуюся каплю теплого небесного оттенка.

— Ну, вот тебе и провожатый, — сказал Иван, тихонько подталкивая каплю к приказчику. Лениво колыхнувшись, она поплыла по воздуху и зависла над левым плечом Акимыча.

— Пойдем, провожу я тебя да покурю заодно. — Зажав в зубах тонкую самокрутку, Стас накиннул на плечи тяжелый тулуп и направился к двери.

Прошли длинным темным коридором, где приказчик боязливо оглядывался и прислушивался, шараясь от неясных шорохов и шепотов, плавающих в прохладном сухом воздухе.

Наконец Стас потянул на себя тяжелую железную дверь и, оглянувшись на гостя, сделал приглашающий жест. Акимыч захрустел снегом, поднимаясь по ступенькам, снова боязливо огляделся и заспешил к саням, на передке которых сидел, дыша на руки, возница — напряженный и испуганный.

— Никак видел кого? — крикнул ему, улыбаясь, Стас.

— Не видел, да и хвала богам! — плюнул извозчик и, едва приказчик уселся в сани, ожег лошадь вожжами.

Стас лишь тихонько хмыкнул и прикурил.

Привалившись к дверному косяку, он с удовольствием вдыхал морозный, пахнувший свежей дыней воздух. Поднял голову, выпустил в непроглядно-черное высокое небо струю дыма, широко, до хруста потянулся, чувствуя, как покусывает щеки крепкий мороз. Чуть подрагивали острые белые точки звезд, тихо шептал, потрескивал, жил своей странной жизнью лес, подступивший к самым домам, и что-то мелькало меж стволов — легкое, невесомое, словно обрывок чьего-то заблудившегося сна.

Стас посмотрел по сторонам. Слева все так же слепо глядел провалами окон, давно лишившихся стекол, девятиэтажный дом, задолго до События обветшавший, близнец того, что напарники облюбовали для своего жилья и конторы. И дальше тянулся ряд таких же пустых, заброшенных людьми коробок, где зимой завывал ветер, катая по полам покинутых квартир комки истлевших бумаг и холодной пыли, да куда забредали изредка странные лесные существа, чтобы посидеть в разваливающихся креслах и посмотреться в мутные зеркала кое-где оставшихся платяных шкафов.

Мир стал таким, когда произошло Событие. Именно так, с заглавной буквы.

Что тогда творилось, можно было догадаться, посмотрев на соседний дом — закопченный, оплавленный, угол его стек, словно воск со свечи, намертво запечатав крайний подъезд, а из середины дома, на уровне седьмого этажа, торчал костяк какого-то крылатого чудовища, врезавшегося в здание во время Со-

бытия. Иван и Стас не раз до хрипоты спорили, что же это за тварь была, но к согласию так и не пришли.

Докурив, Стас аккуратно загасил окурочок в специально установленной возле двери большой металлической пепельнице и, зябко передернув плечами, отправился обратно.

* * *

— Слушай, Вань, а оно нам надо? — с сомнением протянул Стас, разглядывая разложенные на верстаке снимки. — Это же аккурат посередь дороги Потерянного Поезда.

Палец Хромого уперся в тонкую нитку железнодорожных путей, проходящих совсем рядом с местом их предстоящей операции.

— Ну, это, конечно, не яблоки у тети Зины таскать, но бывает и хуже. Просто еще одна гадость, оставленная нам милыми предками. В конце концов, не в туркестанские степи отправляемся. Опять же сто сорок монет, что, согласишься, существенно.

— Так-то оно так, да ведь Новый год на носу, вот что меня беспокоит. Знаешь ведь — самое лихое время, лучше без нужды не высовываться.

— И снова ты прав, друг мой, — кивнул Иван, — только что же ты молчал, когда Акимыч нам песни пел?

— Так ведь сто сорок монет! — развел руками Стас и улыбнулся. — И опять же Сибиряку с Песчаником нос утереть.

— Но три дня, — хмыкнул Иван, — придется напрягаться.

— Значит, нечего лясы точить, давай дело делать. — Хромой расчистил на верстаке место, сдвинув в сторону заготовки амулетов, костяную трубку